

Южный Судан: последствия отделения

© Денисова Т.С.^{a,b}, Костелянец С.В.^{a,c}, 2022

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID ID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^c ORCID ID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

Резюме. В июле 2011 г. Юг Судана отделился от Республики Судан (РС) и на карте мира появилось новое государство - Республика Южный Судан (РЮС). В то время перспективы Южного Судана казались обнадеживающими: кроме богатых нефтяных ресурсов у молодой страны была серьезная поддержка мирового сообщества и влиятельной диаспоры, оказывавших гуманитарную помощь. Провозглашая независимость, Южный Судан рассчитывал на серьезное увеличение нефтяных поступлений, однако Джуба не могла экспортировать «черное золото» без использования нефтепроводов, проложенных по территории Севера. В результате «развод» и «нефтяная война» дорого обошлись обеим странам, хотя РС вышла из конфликта если не победителем, то и с меньшими потерями, нежели РЮС, в которой, к тому же, сразу после обретения независимости начались внутренние вооруженные и межфракционные конфликты. После обретения независимости Южный Судан - на фоне экономического спада - постепенно погружался в хаос полномасштабной гражданской войны, формально закончившейся в сентябре 2018 г., а фактически продолжавшейся до февраля 2020 г. Деструктивные явления, предопределившие обострение политической ситуации в РЮС, включают прогрессирующий («динкоцентричный») трибализм высшего руководства страны, отстранение представителей многих малых народов от процесса принятия ответственных решений, а также отказ от реформирования армии и урегулирования отношений между вооруженными силами и гражданским населением. Уровень эффективности государственного управления в РЮС не только весьма низкий, но и постепенно снижается. Южный Судан не только не стал «демократичным», как планировалось, но и регрессировал в сторону репрессивного государства, ввергшего население в крайнюю нищету. Хотя сецессия стала решением конфликта между Севером и Югом, она привела к эскалации насилия и возникновению новых проблем - не менее серьезных, нежели те, которые она была призвана решить.

Ключевые слова: Южный Судан, Республика Судан, СНОД, Салва Киир, Риек Мачар, сепаратизм

Благодарность: Статья подготовлена в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Денисова Т.С., Костелянец С.В. Южный Судан: последствия отделения. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 38-46. DOI: 10.31857/S032150750018778-7

South Sudan: Consequences of the secession

© Tatyana S. Denisova^{a,b}, Sergey V. Kostelyanets^{a,c}, 2022

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b ORCID ID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^c ORCID ID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

Abstract. In July 2011, South Sudan separated from the Republic of Sudan (RoS), and a new state appeared on the world map - the Republic of South Sudan (RoSS). At that time, the prospects for South Sudan seemed promising: in addition to rich oil resources, the young country had serious support of the world community and an influential diaspora that provided humanitarian assistance. When proclaiming independence, South Sudan counted on a significant increase in oil revenues, but Juba could not export black gold without the use of oil pipelines laid through the North. As a result, the split and the following "oil war" cost both countries dearly, although the RoS emerged from the conflict if not a winner, then with less losses than the RoSS, which, moreover, became engulfed in internal armed and inter-factional conflicts almost immediately after gaining independence. Amid an economic downturn, South Sudan gradually plunged into the chaos of a full-scale civil war, which formally ended in September 2018, but in fact continued until February 2020. The destructive phenomena that preceded the deterioration of the political situation in the RoSS include progressing (Dinka centric) tribalism of the country's top leadership, exclusion of representatives of many smaller ethnic groups from the decision-making process, and the refusal to reform the army and normalize the civil-military relations. The quality of governance by public administration in the RoSS is not just very low, but is gradually declining. South Sudan not only did not become "democratic" as was intended, but actually regressed towards a repressive state that plunged the population into extreme poverty. Although the secession was the solution to the conflict between the North and the South, it led to an escalation of violence and the emergence of new problems, which are no less serious than those it was designed to solve.

Keywords: South Sudan, Republic of Sudan, SPLM, Salva Kiir, Riek Machar, separatism

For citation: Denisova T.S., Kostelyanets S.V. South Sudan: Consequences of the Secession. *Asia and Africa today*. 2022. № 2. Pp. 38-46. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018778-7

ВВЕДЕНИЕ

9 января 2005 г. между правительством Судана и Суданским народно-освободительным движением (СНОД), отстаивавшим интересы народов юга Судана, было подписано Всеобъемлющее мирное соглашение (ВМС), положившее конец самой продолжительной в Африке гражданской войне, унесшей, по разным оценкам, жизни примерно 2 млн человек. В соответствии с Соглашением, через 6 лет, 9 января 2011 г., на юге Судана был проведен референдум, в ходе которого 99% голосов были отданы в пользу независимости; еще через полгода - 9 июля - было объявлено о создании независимой Республики Южный Судан (РЮС) со столицей в Джубе.

Сепаратистское движение на юге Судана долгое время находилось вне фокуса внимания международной общественности, хотя корни его уходят в доколониальный период суданской истории. Еще в XIX в. южносуданцы - чернокожие анимисты - становились жертвами ограблений, угона в рабство и сельскохозяйственной эксплуатации, осуществлявшихся суданцами-северянами - мусульманами преимущественно арабского происхождения.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЮЖНОСУДАНСКОГО СЕПАРАТИЗМА

Региональный дисбаланс власти и богатства укрепился в Судане в годы (1899-1955) англо-египетского управления, когда инвестиции и современные для того времени методы экономического развития были сконцентрированы на Севере, в то время как маргинализированный Юг превратился, по сути, в изолированную «тыловую зону», подчинявшуюся малочисленной местной колониальной администрации. Англичане управляли им как отдельной территорией в рамках колониального Судана и даже вынашивали идею присоединения его к британским колониальным владениям в Восточной Африке [1, р. 10]. Система косвенного управления, предполагавшая сохранение традиционными вождями части их обычных функций, способствовала распространению среди южан осознания собственной идентичности, отличной от северной. В результате многие южносуданцы рассматривали референдум 2011 г. как завершение процесса деколонизации, в которой им было отказано в 1956 г., когда Судан получил независимость. Отдельное колониальное управление предопределило особое положение Южного Судана в постколониальном государстве. После обретения Суданом суверенитета и появления Республики Судан политическая элита в столице - Хартуме - начала манипулировать заметным неравенством в развитии двух регионов, предопределив упорное сопротивление южан создавшейся ситуации.

В 1950-е гг. начала действовать организация, позже получившая название «Анья-Нья» («Змеиный яд», это выражение было связано с различными магическими практиками и религиозными ритуалами, распространенными среди нилотских народов) и активизировавшаяся после 1963 г., когда ее возглавили Джозеф Лагу и Амадео Лодонги. Это было сборище бывших солдат и школьников, использовавших луки со стрелами, наконечники которых смазывались ядом из желез кобры¹. Группировка действовала 17 лет (с 1955 г.) и практически прекратила свое существование в 1972 г. после подписания соглашения между центральным правительством Джафара Мухаммеда Нимейри (президент Судана в 1971-1985 гг.) и Освободительным движением Южного Судана о предоставлении этому региону автономии.

Автономия сохранила границы, определенные в колониальный период англичанами; первым президентом Высшего исполнительного совета (ВИС) автономии стал Абель Альер; в 1978 г. его сменил бывший лидер повстанцев Дж.Лагу. С самого начала в ВИС возникли разногласия между его членами [2, р. 126].

В 1983 г. Нимейри против воли южносуданцев разделил регион на три административных района. В Южном Судане, большинство жителей которого являлись христианами или анимистами, были введены законы шариата, что вызвало массовое недовольство населения. В военных казармах южносуданского города Бору начались мятежи, на подавление которых был отправлен полковник суданской армии Джон Гаранг. Однако он присоединился к повстанцам и основал Народное движение/армию освобождения Судана (СНОД/А), нацелившись на освобождение всех суданцев от репрессивного хартумского режима [1, р. 10]. Это «видение» Гаранга было разрушено подписанием в 2005 г. Всеобъемлющего мирного соглашения, в соответствии с которым право на самоопределение было предоставлено лишь южносуданцам, в то время как жители Дарфура, например, его не обрели.

Насилие над южносуданцами в доколониальный и колониальный периоды предопределило возникновение в постколониальный период на юге Судана вооруженных сепаратистских движений и начало мас-

¹ Восстание «Змеиного яда». *Warspot*. 13.08.2020. <https://warspot.ru/11734-vosstanie-zmeinogo-yada> (accessed 26.08.2021)

штабной и кровопролитной гражданской войны между Севером и Югом, хронологически разделяемой на два затяжных периода: с 1955 по 1972 и с 1983 по 2005 гг.

О крайне низком уровне социально-экономического развития Юга к моменту подписания в 2005 г. ВМС свидетельствуют хотя бы такие цифры: к концу войны в регионе насчитывались 3 хирурга, обслуживавшие население в 9 млн человек; на всю территорию размером примерно с Францию было всего 4 км асфальтированных дорог; практически не было электричества, школ и медицинских учреждений [3, p. 8]. Однако, несмотря на все невзгоды, пережитые южанами сначала при колониальном управлении, а затем в течение почти полувека эксплуататорской политики Хартума, не говоря уже о периодически вспыхивавших конфликтах внутри самого южносуданского региона, в 2005 г. среди суданских политиков еще бытовала уверенность, что южане смогут удовлетвориться большей автономией и большим уровнем представленности в центре и не будут требовать полной независимости.

Между тем, уже в первые годы после подписания ВМС южане убедились, что Хартум не намерен выполнять условия Соглашения, поэтому их готовность оставаться в союзе с Севером постепенно сошла на нет. Действительно, поведение северной политической элиты резко контрастировало с провозглашенной в 2005 г. концепцией «одна страна, две системы», которую Север интерпретировал как договоренность о введении своего рода «федерализма», а Юг - как движение к оформлению конфедерации.

ОБРЕТЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ

Тем не менее, суданские власти выполнили, пожалуй, главное условие ВМС и обеспечили проведение в 2011 г. референдума, а затем первыми признали независимость РЮС во главе с президентом Салвой Кииром, до этого бывшим вице-президентом (2005-2011). Вскоре примеру Хартума последовали все постоянные члены Совета Безопасности ООН; 14 июля Южный Судан был принят в ООН в качестве 193-го государства-участника, а 27 июля Африканский Союз (АС) признал новую Республику своим 54-м государством-членом. Это не означает, однако, что АС и мировое сообщество, в целом, не испытывали серьезных опасений по поводу самостоятельного развития РЮС. Напротив, предвиделось множество проблем, прежде всего связанных с возможным возобновлением войны с Севером, в которую оказались бы втянутыми и другие страны региона, но мало кто предполагал, что почти сразу после объявления независимости Южный Судан будет охвачен межплеменными конфликтами, по уровню насилия не уступавшими войне между Севером и Югом.

Более того, в 2011 г. перспективы Южного Судана казались обнадеживающими: у молодой страны была серьезная поддержка мирового сообщества и влиятельной диаспоры, оказывавших гуманитарную помощь, и богатые нефтяные ресурсы. Государственные расходы (на безопасность, дорожное строительство, здравоохранение, образование, водоснабжение и др.) на душу населения были в 3 раза выше, чем в Кении, в 7 - чем в соседней Эфиопии². В 2011 г. объем ВВП Южного Судана достигал \$17 млрд (\$1516 на душу населения по номиналу - выше, чем в любой из соседних стран), а поступления от нефтяной ренты превышали \$9 млрд³. Для сравнения, в 2010 г. единый Судан, где было в 3,5 раза больше населения, экспортировал нефти на \$11 млрд⁴. Провозглашая независимость, Южный Судан рассчитывал на серьезное увеличение поступлений от экспорта «черного золота».

В ВМС не оговаривались условия экономического сотрудничества в случае отделения (в которое в 2005 г. никто не верил) Юга [4]. При этом Джуба не могла экспортировать нефть без использования нефтепроводов, проложенных по территории Севера. В 2011 г. стороны безуспешно вели переговоры о разделе нефтяных прибылей. В начале 2012 г. Хартум в одностороннем порядке повысил тарифы на транзит южносуданской нефти и в счет погашения транзитных платежей стал забирать ее из трубы.

Следует отметить, что действия Хартума были в значительной степени вынужденными: нефть обеспечивала подавляющую часть налоговых и внешнеторговых поступлений единого Судана, а из-за успехов нефтяной отрасли в 2000-х гг. правительство фактически стало пренебрегать другими отраслями, что еще больше обострило наступивший после отделения Южного Судана финансовый кризис.

² Public expenditures in South Sudan: are they delivering? *The World Bank*. 2013, p. 1. <http://documents.worldbank.org/curated/en/171651468302965354/pdf/774290BRI0Econ00Box377296B00PUBLIC0.pdf> (accessed 26.06.2021)

³ South Sudan. *The World Bank*. 2021. <https://data.worldbank.org/country/south-sudan> (accessed 26.08.2021)

⁴ IMF Country Report No. 12/298. *IMF*. 2012. https://www.imf.org/-/media/Websites/IMF/imported-full-text-pdf/external/pubs/ft/scr/2012/_cr12298.ashx (accessed 16.02.2022)

В ответ на действия Хартума в январе 2012 г. Джуба полностью прекратила экспорт нефти через Судан [5, с. 45]. Весной дело даже дошло до столкновений между вооруженными силами двух стран. Лишь в сентябре 2012 г. стороны заключили компромиссное соглашение об условиях транзита, но первый после перерыва танкер с южносуданской нефтью вышел из Порт-Судана лишь в июле 2013 г. А уже в августе 2013 г. из-за новых разногласий транзит нефти сократился на треть [6, р. 142].

«Развод» и «нефтяная война» дорого обошлись обеим странам. В 2012 г. Хартум отметил падение экспортной выручки на 60%, а объемов экспорта - на 75% относительно 2010 г. В 2011 г. ВВП Северного Судана снизился на 3%, в 2012 г. - на 10%. Страна включила печатный станок, чтобы профинансировать дефицит бюджета, а это, в свою очередь, привело к высокой инфляции, которая достигла своего пика (50%) в 2013 г. [7, с. 31]. ВВП Южного Судана в 2011 г. вырос на 8%, но в 2012 г. рухнул сразу на 40%. Объем экспорта РЮС упал в 12 раз [6, р. 44].

Северный Судан вышел из конфликта если не победителем, то и с меньшими потерями, нежели РЮС. Большой размер ВВП, генерировавшийся на Севере (\$55 млрд в 2011 г.⁵), и более диверсифицированная экономика позволили Хартуму избежать катастрофы, хотя казалось, что Судан был обречен последовать по пути своих северных соседей - Ливии, Туниса и Египта, экономические и социально-политические проблемы в которых привели к смене правящих режимов (см. подробнее: [8]). В 2011-2013 гг. наблюдались рост массового недовольства политикой Хартума и эскалация протестного движения. Однако жестокость и решительность, проявленные режимом, а также «пряник» в виде запуска в начале 2014 г. процесса национального диалога позволили разрядить обстановку, хотя и не обеспечили политическую стабильность [9, с. 42]. Судан продолжал воевать с повстанческими движениями на западной и южной окраинах страны - в Дарфуре и в штатах Южный Кордофан и Голубой Нил [10]; эти конфликты до сих пор до конца не разрешены. Более 70% бюджетных средств Судана уходило на оборону и безопасность, что препятствовало решению социально-экономических проблем, но на фоне событий на Юге все это можно было назвать «относительной стабильностью».

КОНФЛИКТЫ В РЮС

В Южном Судане внутренние конфликты начались почти сразу после обретения независимости, причем мина под государственное строительство в регионе была заложена еще Джоном Гарангом, руководившим СНОД вплоть до его гибели в 2005 г. в авиакатастрофе. Обычной практикой и основным способом обогащения военачальников СНОД было присвоение гуманитарной помощи, на что Гаранг, по меньшей мере, закрывал глаза. Повстанческое движение стало магнитом для «охотников за рентой», которые также не брезговали угоном скота, торговлей золотом и древесиной и даже воровством пайков у подчиненных.

Не удивительно, что, когда СНОД пришло к власти, РЮС практически сразу оказалась среди самых коррумпированных стран мира. Так, согласно «Индексу восприятия коррупции», ежегодно публикуемому *Transparency International*, в 2016 г. Южный Судан находился на предпоследнем, 175-м месте в мире, уступив лишь Сомали⁶, а к 2020 г. переместился на последнее - 179-е место⁷ (на 1-м располагается страна с наименьшим восприятием коррупции). По данным ООН на 2021 г., с 2018 г. высокопоставленными политиками и чиновниками РЮС из государственной казны были похищены \$73 млн⁸.

Еще до референдума поводом для недовольства (переросшего в вооруженные столкновения) некоторых южносуданских этнических групп стали выборы 2010 г., на которых СНОД получило 160 из 170 мест в парламенте. В 2010 г. вспыхнуло восстание Джорджа Атора - *динка* (близкого к *нуэрам*), обвинившего власти в фальсификации итогов голосования. Хотя Атор погиб в конце 2011 г., созданное им повстанческое Демократическое движение Южного Судана продолжало борьбу до середины 2013 г. В мае 2010 г. начались столкновения между армией и вооруженными ополчениями народности *мурле* под общим руководством Дэвида Яу Яу, упрекавшего СНОД в запугивании избирателей и фальсификации голосования. В 2011 г. столкновения между *лу нуэр* и *мурле* в штате Джонглей унесли тысячи жизней; более 350 тыс. стали беженцами [3, р. 8]. В том же году полевой командир Питер Гадет выступил против СНОД, об-

⁵ Sudan. *The World Bank*. 2021. <https://data.worldbank.org/country/sudan> (accessed 22.06.2021)

⁶ Corruption Perceptions Index 2016. *Transparency International*. 2016. https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016 (accessed 29.06.2021)

⁷ Corruption Perceptions Index 2020. *Transparency International*. 2020. <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl> (accessed 21.06.2021)

⁸ South Sudanese political elites illicitly diverting millions of US dollars, undermining core human rights and stability – UN experts note. *UNHCR*. 23.09.2021. <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/Pages/NewsDetail.aspx?NewsID=27519> (accessed 22.07.2021)

винив его в ущемлении прав этнической группы *нуэр* и в махинациях на выборах [11, pp. 75-76]. В ходе гражданской войны в РЮС с 2013 по 2018 гг. погибли более 400 тыс. человек и около 4 млн стали беженцами⁹.

Политика президента РЮС С.Киира (*динка*) в отношении «новых» повстанцев постоянно провоцировала очередные выступления: правительство пыталось «купить» мятежников и их лидеров, предлагая первым интеграцию в регулярную армию, а вторым - привилегии высших армейских чинов. Таким образом, поднимать мятежи стало выгодно [12, с. 47].

Современная южносуданская армия фактически была создана в 1983 г. - в год основания СНОД и его вооруженного крыла - Суданской народно-освободительной армии (СНОА). К 2005 г., т.е. к моменту заключения ВМС, СНОА насчитывала примерно 40-50 тыс. бойцов. Опасаясь саботажа северянами мирного соглашения и нового витка войны с Хартумом, в 2005-2010 гг. Киир включил в армию десятки тысяч южан (в основном *нуэров*), сражавшихся во время гражданской войны на стороне северян. Чтобы Хартум не смог их снова перетянуть на свою сторону, рядовым был обещан стабильный доход - \$150 в месяц (в 2 раза выше, чем в армии Судана), а их лидерам - высокие посты и виллы в столице. В 2010 г., в преддверии референдума о независимости, ежемесячное жалование военных было повышено до \$220 [13, p. 55].

В связи с интеграцией в СНОА десятков тысяч южан, ранее воевавших на стороне Хартума, к 2012 г. южносуданская армия выросла до 240 тыс. человек, а расходы на оборону составили 35% бюджета [13, p. 57]; при этом вооруженные силы РЮС все больше становились пестрым союзом этнических ополчений.

Пока в бюджете было достаточно средств, такая модель кооптации бывших противников и повстанцев в национальные ВС работала. Но когда из-за нефтяных споров с Хартумом Джуба, бюджет которой на 98% наполнялся за счет доходов от продажи нефти, утратила возможность экспортировать «черное золото» по нефтепроводам, проложенным по территории Севера, и лишилась притока валюты, противоречия внутри правительства стали обостряться.

МЕЖФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА

По мере истощения казны среди членов политбюро СНОД все чаще начали вестись разговоры о возможном смещении Салвы Киира с постов президента РЮС и лидера партии из-за его неспособности навести порядок и обеспечить развитие страны. Но Киир сыграл на опережение. В июле 2013 г. он отстранил Риека Мачара, самого влиятельного в стране представителя *нуэров*, от должности вице-президента. Через три дня Мачар заявил о своих планах выступить соперником Киира на очередных президентских выборах. Но в декабре 2013 г. Киир обвинил Мачара в попытке переворота и приказал разоружить подконтрольные ему ополчения, что привело к полномасштабным столкновениям и к фактическому началу гражданской войны между *динка* и *нуэр* с участием и других народностей.

Стремление Мачара вытеснить Киира с поста президента в значительной степени обуславливалось тем, что государственная власть в РЮС, как и во многих других странах Африки, предполагала контроль над доходами от экспорта природных ресурсов, в данном случае - нефти, и, соответственно, быстрое личное обогащение.

Для достижения цели Мачар использовал различные стратегии: блокирование принимавшихся Кииром решений; принятие должности вице-президента, несмотря на недовольство им позицией «второго человека» в государстве; открытая критика политики президента на различных форумах; заключение сделок с влиятельными военными; разжигание межэтнической ненависти и военные действия. Чтобы преуменьшить свою ответственность за кровопролитие, он, как и многие бывшие африканские «военные бароны», тщательно скрывал роль собственных интересов в разжигании конфликта, маскируя их риторикой защиты своей этнической группы *нуэр* от правительства, в котором действительно доминировали *динка* [14]. Можно сказать, что, представив себя «главным лидером» *нуэров*, Мачар способствовал дальнейшему углублению расколов по этническим линиям, от которых и Южный, и Северный Судан страдали в течение всего периода их независимости.

Таким образом, в 2013 г. Южный Судан погрузился в хаос полномасштабной гражданской войны, официально закончившейся в сентябре 2018 г., а фактически продолжавшейся до февраля 2020 г.

Формально РЮС построена на принципах демократии, справедливости и религиозной свободы, а в Конституция прямо указывается, что «состав правительства должен отражать этническое и социальное мно-

⁹ Toward a Viable Future for South Sudan. *International Crisis Group*. 10.02.2021. <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/300-viable-future-for-south-sudan.pdf> (accessed 29.06.2021)

гообразии страны» и что при приеме на госслужбу, в т.ч. в спецслужбы, должен соблюдаться этнический баланс. (Следует отметить, что *динка* составляют около трети населения РЮС, *нуэры* - 16%, *азанде* - 6%, *шилук* - 3%, *мурле* - 1%¹⁰, всего же в Южном Судане проживает более 70 народностей¹¹.) На практике же Салва Киир в стремлении упрочить свою власть постепенно отказался от соблюдения этих норм, как и от политики предшественника - Гаранга, желавшего трансформировать Судан в единое светское государство, в котором южане смогли бы получить равные права с северянами, и нацелился на полное отделение Юга.

С самого начала прихода к власти Киир стал опираться на соплеменников-*динка*, окружив себя выходцами из родного штата Вараб. Из них же он создал подчиненную ему лично президентскую гвардию, известную как «Коричневая гусеница» и прославившуюся участием в погромах *нуэр* и других меньшинств и этническими чистками. Даже за пределами «ближнего круга» Киира на высокие посты в СНОД и в администрации за редким исключением назначались лишь представители *динка* или других народностей, согласившихся присоединиться к созданной им патронажной системе. Именно поэтому южносуданская оппозиция называет режим Киира «динкократией» [15, p. 75].

В первом правительстве РЮС из 28 министров 11 были *динка*. В администрации, действовавшей с 2013 по февраль 2020 г., количество портфелей сократилось до 18, но 11 министров-*динка* остались¹². Уже после начала в 2013 г. гражданской войны Киир заменил более 80% губернаторов, избранных в 2010 г., на своих сторонников. Для этого он провел административную реформу, сначала увеличив число штатов с 10 до 28 (2015 г.), а затем до 32 (2017 г.)¹³. (В 2020 г. число штатов вновь сократилось до 10)¹⁴. Киир действовал по аналогии с северосуданским режимом, разделившим в 2011 г. Дарфур - для ослабления оппозиции - на 5 штатов.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И ОППОЗИЦИЯ

5 августа 2018 г. в Хартуме было подписано «Соглашение об оставшихся вопросах управления» (*Agreement on Outstanding Issues of Governance*), по сути, о разделении властных полномочий между южносуданским правительством и большей частью оппозиционных группировок.

Среди подписантов были С.Киир, лидер «Суданского народно-освободительного движения в оппозиции» Риек Мачар, председатель «Южносуданского альянса оппозиции» Габриэль Чансон Чанг, представитель группировки «Суданское народно-освободительное движение - Бывшие политзаключенные» (*Sudan Peoples' Liberation Movement - Former Detainees*) Денг Алор и Джозеф Окелло от блока «Другие политические партии». «Архитекторами» и спонсорами соглашения выступили президенты Судана Омар аль-Башир и Уганды - Йовери Мусевени, которые также поставили свои подписи под документом.

Подписанный в августе 2018 г. документ во многом повторяет основные положения «Соглашения о разрешении конфликта в Республике Южный Судан» (*Agreement on the Resolution of Conflict in the Republic of South Sudan, ARCSS*), заключенного в Аддис-Абебе 17 августа 2015 г., но нарушенного в июле 2016 г., когда между сторонниками Киира и Мачара в Джубе начались вооруженные столкновения.

Процесс примирения был перезапущен 21 декабря 2017 г. в Аддис-Абебе, где стороны подписали «Соглашение о прекращении огня, защите гражданских лиц и гуманитарном доступе» (*Agreement on Cessation of Hostilities, Protection of Civilians and Humanitarian Access*). За этим событием последовали еще несколько раундов переговоров в Эфиопии и Судане, в т.ч. закончившиеся принятием «Хартумской декларации о согласии между сторонами южносуданского конфликта» (*Khartoum Declaration of Agreement Between the Parties of the Conflict of South Sudan*, 27 июня 2018 г., Хартум) и «Соглашения относительно нерешенных вопросов по механизмам обеспечения безопасности» (*Agreement on Outstanding Issues of Security Arrangements*, 6 июля 2018 г., Хартум).

Эти договоренности подготовили почву для заключения «Обновленного ARCSS» (*Revitalized ARCSS*) - многостраничного документа, описывающего механизмы формирования правительства национального

¹⁰ Ethnic Groups Of South Sudan. *World Atlas*. 2021. <https://www.worldatlas.com/articles/ethnic-groups-of-south-sudan.html> (accessed 29.06.2021)

¹¹ Country: South Sudan. *Joshua Project*. 2021. <https://joshuaproject.net/countries/OD#peoplegroups> (accessed 21.06.2021)

¹² Salva Kiir Govt: From tribal to regional govt. *South Sudan News Agency*. 25.04.2014. <http://www.southsudannewsagency.com/index.php/2014/04/25/salva-kiir-govt-from-tribal-to-regional-govt> (accessed 22.06.2021)

¹³ Kiir creates eight new states, fires central bank governor. *Radio Tamazuj*. 14.01.2017. <https://radiotamazuj.org/en/news/article/kiir-creates-eight-new-states-fires-central-bank-governor> (accessed 25.06.2021)

¹⁴ Kiir agrees to relinquish controversial 32 states. *Radio Tamazuj*. 15.02.2020. <https://radiotamazuj.org/en/news/article/kiir-agrees-to-relinquish-controversial-32-states> (accessed 25.06.2021)

единства, меры обеспечения безопасности, принципы управления ресурсами государства, пути к национальному примирению и др., и предполагали установление предпереходного (8 месяцев) и переходного (36 месяцев) периодов, в течение которых власть должна была в определенных пропорциях делиться между СНОД и оппозицией. Киир остался на своем посту до окончания переходного периода (до 2021 г.), а Мачар получил должность первого вице-президента.

К подписанию соглашений стороны подтолкнуло сильное внешнее давление, особенно со стороны Судана, заинтересованного в возобновлении транзита нефти, а также тяжелая экономическая, гуманитарная, продовольственная (см.: [16, pp. 44-45]) и даже эпидемиологическая ситуация, сложившаяся в РЮС и, что немаловажно, постоянные расколы внутри всех партий, включая правящую.

Подписание «Соглашения об оставшихся вопросах управления» вызвало одобрение почти всех заинтересованных организаций и стран: ООН, АС, Лиги арабских государств, России, Китая, Японии, Египта, Турции, Катара и др. На этом фоне «холодным душем» оказалось заявление т.н. международной «тройки» по Южному Судану (США, Британия и Норвегия), которая, хотя и поддержала само участие сторон в переговорах, указала, тем не менее, что «достигнутые на сегодняшний день договоренности нереалистичны и неустойчивы», а лидеры Южного Судана «должны вести себя по-другому» и пригласить к участию в переговорах общественные и религиозные организации и этнические меньшинства¹⁵.

Впрочем, скептицизм «тройки» вполне оправдан. Все перечисленные выше договоренности были, по сути, попытками *динка* и *нуэр* перераспределить между собой власть без должного учета интересов остальных этнических групп. К тому же, не только история отношений между подписантами и трудноразрешимые межэтнические противоречия, но и некоторые события вокруг переговоров вызвали сомнения в успехе реализации соглашений. Так, Салва Киир на пресс-конференции 4 августа 2018 г. заявил, что «сделка 2015 г. была... навязана, поэтому ... то соглашение развалилось... Новое соглашение, я уверен, устоит, потому что народ Южного Судана готов к миру»¹⁶. Однако на церемонии подписания «Соглашения об оставшихся вопросах управления» Киир демонстративно не пожал руку Мачару, которого согласился включить в правительство под давлением лидеров Межправительственной организации по развитию Восточной Африки (ИГАД), прежде всего аль-Башира и Мусевени¹⁷.

Таким образом, Соглашение не поставило последнюю точку в кровопролитном южносуданском конфликте, полыхавшем с 2013 г., т.к. сторонам еще предстояло заключить всеобъемлющее мирное соглашение. Именно вопрос о разделении власти (и, следовательно, о доступе к административным ресурсам) стал тем самым камнем преткновения, из-за которого долгое время не удавалось урегулировать конфликт.

В феврале 2020 г. две основные противоборствующие стороны - фракции Киира и Мачара - приступили к формированию правительства национального единства в соответствии с мирным соглашением, подписанным в 2018 г. Однако политическое противостояние препятствует формированию государственных институтов, необходимых хотя бы для принятия мер против распространения пандемии *COVID-19*.

Подготовка к президентским выборам, которые планируется провести в 2023 г., также не способствует снижению напряженности. Можно предположить, что, если оба противника будут на них баллотироваться, внутривластная ситуация вновь обострится, тем более что недовольство большинства южносуданцев Кииром и его опорой на *динка* ведет ко все более частым призывам к смене руководства. Причем это касается и Мачара¹⁸. Многие южносуданцы вообще сомневаются, что два лидера когда-нибудь смогут работать вместе¹⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2021 г. исполнилось 10 лет с момента разделения Судана, но ни Республика Судан, ни РЮС не могут похвастаться преодолением нестабильности. Судан за эти годы пережил два военных переворота - 11 ап-

¹⁵ Troika Statement on South Sudan Peace Talks. *U.S. Embassy Juba*. 13.08.2018. <https://ss.usembassy.gov/troika-statement-on-south-sudan-peace-talks> (accessed 22.07.2021)

¹⁶ South Sudan government is ready for peace implementation: Kiir. *Sudan Tribune*. 04.08.2018. <https://sudantribune.com/spip.php?article65984> (accessed 23.06.2021)

¹⁷ SPLM-IO says dismayed by Kiir's amnesty for Machar. *Sudan Tribune*. 10.08.2018. <https://sudantribune.com/spip.php?article66023> (accessed 23.06.2021)

¹⁸ South Sudan at risk of 'large scale conflict': UN report. *Aljazeera*. 27.04.2021. <https://www.aljazeera.com/news/2021/4/27/south-sudan-at-risk-of-large-scale-conflict-un-report> (accessed 22.06.2021)

¹⁹ A Major Step Toward Ending South Sudan's Civil War. *International Crisis Group*. 25.02.2020. <https://www.crisisgroup.org/africa/horn-africa/south-sudan/major-step-toward-ending-south-sudans-civil-war> (accessed 21.06.2021)

реля 2019 г., когда после почти 30 лет правления был свергнут Омар аль-Башир, и 25 октября 2021 г., хотя страна, в целом, сохранила управляемость; Южный Судан в течение всего периода его независимого развития погружался во все больший политический хаос на фоне межэтнических столкновений и экономического спада.

Народы Южного Судана объединялись, да и то не всегда, лишь во время борьбы против колониальных захватчиков, арабизации и исламизации. Южносуданское общество расколото на отдельные группировки, вступающие в межплеменные союзы и коалиции против доминирующей группы, к которой они иногда присоединяются, чтобы расширить свое участие в процессах принятия ответственных решений.

Между Суданом и РЮС остается немало общего: например, они соседствуют в списке наиболее коррумпированных стран мира в «Индексе восприятия коррупции», составляемом *Transparency International* (в 2021 г. Судан находился на 174-м месте, а Южный Судан, как уже упоминалось выше, - на 179-м из 179)²⁰. Сохраняется и проблема общего внешнего долга, унаследованного от единого Судана и достигающего \$56,2 млрд, хотя в июне 2021 г. Хартуму удалось договориться с Парижским клубом, Всемирным банком и Международным валютным фондом о списании \$50 млрд при условии выполнения в течение 3 лет программы структурных реформ²¹.

Сформированная в результате заключения ряда мирных соглашений южносуданская система политического представительства этнических групп крайне нестабильна. Не запущен процесс национального примирения, способный нейтрализовать исторические и недавние обиды. *Динка*, политический и военный вес которых особенно велик, сохраняют искушение вновь попытаться установить свое доминирование и не делиться скромными доходами страны. При этом ни *динка*, ни *нуэры* не являются сплоченными общинами: в них велики внутренние противоречия, что ставит под вопрос выполнение различных договоренностей. Хотя сецессия явилась решением конфликта между Севером и Югом, она привела к эскалации насилия и к возникновению новых проблем - не менее серьезных, нежели те, которые она была призвана решить.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Bereketeab R. Self-determination and secessionism in Somaliland and South Sudan: Challenges to postcolonial state-building. Nordiska Afrikainstitutet, 2012. <https://www.cmi.no/file/2162-self-determination-and-secessionism-in-somaliland-and-south-sudan.pdf> (accessed 26.08.2021)
2. Willis J., Ryle J., Baldo S, Jok J. M. (eds.). The Sudan Handbook. Rochester, NY: James Currey, 2012. <https://www.refworld.org/pdfid/51d3d28c4.pdf>
3. McNamee T. The first crack in Africa's map? Secession and Self-Determination after South Sudan. Discussion Paper. The Brenthurst Foundation, 2012. <https://www.thebrenthurstfoundation.org/downloads/2012-01-first-crack-in-africa-s-map-brenthurst-paper.pdf> (accessed 21.07.2021)
4. Rolandsen Ø.H. 2011. A quick fix? A retrospective analysis of the Sudan Comprehensive Peace Agreement. *Review of African Political Economy*, Vol. 38, № 130, pp. 551-564.
5. Мезенцев С.В. Южный Судан: независимость, что дальше? *Азия и Африка сегодня*. 2012, № 8. С. 42-46.
Mezentsev S.V. 2012. Southern Sudan. Independence, What Next?, Part 1. *Asia and Africa today*. № 8, pp. 42-46. (In Russ.).
6. Le Billon P., Savage E. 2016. Binding pipelines? Oil, armed conflicts, and economic rationales for peace in the two Sudans. *African Geographical Review*, Vol. 35, № 2, pp. 134-150. DOI: 10.1080/19376812.2015.1113551
7. Костелянец С.В. Судан после раздела страны: поиск путей преодоления кризиса. *Азия и Африка сегодня*. 2014, № 10. С. 31-35.
Kostelyanets S.V. 2014. Sudan after the Split of the Country: Seeking to Resolve the Crisis. *Asia and Africa today*. № 10, pp. 31-35. (In Russ.)
8. Васильев А.М. Арабские революции и протестное движение. Причины. Движущие силы. Результаты. *Вестник Российской академии наук*. 2014, Т. 84, № 6. С. 492-492. DOI: 10.7868/S0869587314060176
Vasiliev A.M. 2014. Arab Revolutions and the Protest Movement: Causes, Driving Forces, and Results. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 84, № 6, pp. 492-492.
9. Костелянец С.В. Региональная политика Судана в контексте арабского кризиса. *Азия и Африка сегодня*. 2015, № 7. С. 42-46.
Kostelyanets S.V. 2015. Sudan's Regional Policy in the Context of the Arab Crisis. *Asia and Africa today*. № 7, pp. 42-46. (In Russ.).
10. Костелянец С.В. Конфликт в суданском регионе Дарфур: региональный аспект. *Восток (Oriens)*. 2015, № 1. С. 76-86.
Kostelyanets S.V. 2015. The Conflict in Darfur Region: The Regional Dimension. *Vostok (Oriens)*. № 1, pp. 76-86. (In Russ.).

²⁰ Corruption Perceptions Index 2020. *Transparency International*. 2020. <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl> (accessed 21.06.2021)

²¹ Sudan to Receive Debt Relief Under the HIPC Initiative. *IMF*. 29.07.2021. <https://www.imf.org/en/News/Articles/2021/06/29/pr21199-sudan-to-receive-debt-relief-under-the-hipc-initiative> (accessed 25.08.2021)

11. Brosché J., Höglund K. 2016. Crisis of governance in South Sudan: electoral politics and violence in the world's newest nation. *The Journal of Modern African Studies*. Vol. 54, № 1, pp. 67-90. DOI: 10.1017/s0022278x15000828
12. Кочанова Т.В. Судан и Южный Судан: через демонтаж и трансформацию власти к ее эволюции. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2020. № 3. С. 39-59. DOI:10.31132/2412-5717-2020-52-3-39-59
Kochanova T.V. 2020. Sudan and South Sudan: Through the Deconstruction and Transformation of Power to its Evolution. *Journal of the Institute for African Studies*. № 36 pp. 39-59. (In Russ.). DOI:10.31132/2412-5717-2020-52-3-39-59
13. De Waal A. 2014. When kleptocracy becomes insolvent: Brute causes of the civil war in South Sudan. *African Affairs*. Vol. 113, № 452, pp. 347-369. DOI: 10.1093/afraf/adu028
14. Brosché J. Masters of war: The role of elites in Sudan's communal conflicts. Doctoral dissertation. Uppsala: Uppsala University Press, 2014.
15. Feyissa D. 2017. The Religious Framing of the South Sudanese Civil Wars: The Enduring Legacy of Ngundeng's Prophecy. *Journal for the Study of the Religions of Africa and its Diaspora*. Vol. 3, pp. 60-77.
16. Фахрутдинова Н.З. Республика Южный Судан: трудности развития. *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 1. С. 42-45. DOI: 10.31857/S032150750008164-2
Fakhrutdinova N. Z. 2020. Republic of South Sudan: difficulties of the development. *Asia and Africa today*. № 1, pp. 42-45. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750008164-2

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Денисова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром изучения стран Тропической Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Tatyana S. Denisova, PhD (History), Leading Researcher, Head, Centre for Tropical Africa Studies, Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia.

Костелянец Сергей Валерьянович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Sergey V. Kostelyanets, PhD (Political Science), Leading Researcher, Head, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 21.09.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.11.2021

Принята к публикации
(Accepted) 19.01.2022